

Сандро Мокша

Мокша Сандро (псевдоним, настоящее имя **Шмаков Александр Александрович**) (1952 – 1996) родился в Иркутске. Известно, что в положенное время отслужил в ВМФ СССР три года, потом жил в Свердловске и почти всю жизнь работал в печатном цехе газеты «Уральский рабочий». Публиковался в журнале «Урал», самиздате, автор книги стихов «Фрагменты» (Пермь, серия «КПП», 1993, 1000 экз.). Погиб при невыясненных обстоятельствах: рассматривались две версии – самоубийство и убийство. Огромное творческое наследие С.М. на данный момент считается утраченным. Участник АСУП-1. Жил в Свердловске.

Филологическая маркировка стихов С.М.

Традиции, направления, течения: постмодернизм, модернизм, фольк-арт, традиции футуризма, абсурдизма.

Основные имена влияния, переключки: В. Хлебников, А. Крученых, Б. Окуджава, Д. Хармс, Н. Заболоцкий, А. Еременко, Т. Элиот.

Основные формальные приемы, используемые автором: поток сознания, асинтаксический стих, лингвистическая, языковая игра, сдвиг цезуры, отсутствие знаков препинания, яркая образность, ирония.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: трагестивирование образов мировой культуры, карнавализация образов искусства, религиозные мотивы, материнство, любовь, язык; ключевые образы – Христос, бог, сад, слово; образный пласт «литература» включает в себя образы литературных героев, писателей, поэтов.

Творческая стратегия: суверенная игра поэтическим словом, культурологическая игра с целью подавления внутреннего хаоса.

Коэффициент присутствия: 0,56

ВИТАЛИЙ КАЛЬПИДИ О С.М.

Вот что написано на сайте «Карта GIF.RU Искусство России»: «*Мокша – поэт с классическим шизофреническим сознанием. Стихи его представляют собой случайный набор слов, предметы он мыслит по отдельности, соединяя всё, что ни попадя, в неопишуемые коллажи и ассамбляжи...*» Это определение замечательно тем, что оно демонстрирует классический уровень неосведомленности в уральской поэзии вообще и в поэзии С.М. в частности. С.М. был и остается одним из самых структурированных авторов (с точки зрения пересечения метафорических зон) современной поэзии. Тексты С.М. прозрачны для внимательного взгляда, их интеллектуальная дымовая завеса похожа на вуаль, под которой якобы скрываемый образ становится еще более притягательным и завораживающим. Вот, например, в двух стихах С.М.: «...Пилат – пилот бесплотной лодки, / бесплатный пиломатериал...», – за нарочитой варварской аллитерацией первомайским транспарантом поднимается исчерпывающая формула эксплуатации библейских образов в современной русской культуре. Практически в любом тексте С.М. можно и нужно обнаруживать подобные фундаментальные открытия, убедительность которых подкрепляется сверхиндивидуальным (деперсонифицированным) лирическим переживанием... Мы были знакомы лет восемь и общались до самой его гибели, о которой ходили разные слухи, включая и версию об «эстафетной палочке суицида», которую передал С.М. его отец. Безусловно, С.М. плыл по волнам легкого прибабаха, к которому, впрочем, окружающим при желании можно было привыкнуть. Существо он был ангельское и являл для меня пример настоящего художника: лишенный мыслей о творческой карьере, социальной адаптации, не понимающий зависти в принципе (да и без принципа тоже), он был одинок и не желал ни с кем делиться своим одиночеством. С.М. не был жадным до жизни, его бытие было экономным и незаметным. Он боялся судьбы и пытался заштриховать ее математическими формулами, доказывающими, что слепота и есть единственная форма зрения. Его философия представляла собой фабрику по утилизации различных учений, главным образом, восточных. Помню, как он трагически переживал события в токийском метро, отказываясь верить в то, что высоко почитаемый им Сёко Асахара, лидер «Аум Синрикё», способен на массовое убийство – последний был, кстати, повешен по приговору японской фемиды только в декабре 2011 г., спу-

С.М. и его «поставляжи», 1995 г.

С.М. в юности

стя пятнадцать лет после того, как С.М. таким же образом предпочел уйти из жизни в глубине Шарташского леса...

С.М. был убежден, что наличие читателя в качестве определенного персонажа делает поэзию бессмысленной для ее генератора, т.е. поэта. Теоретически это было верно, но на практике – нет, потому что *мы-то ведь любили его стихи*. И его самого вместе со стихами и стихи вместе с ним. И в этом был все-таки какой-то смысл. Единственная книга С.М. была издана совместными усилиями: типографские расходы оплатил двоюродный брат С.М. – А. Чукашин, художником поработал В. Остапенко, ну а весь процесс подготовки, редактирования и собственно издания пришлось контролировать мне. Примечательно, что эта книга (по свидетельству А. Чукашина) самому автору активно не понравилась. Не понравилась главным образом моя составительская «инициатива». По словам того же Чукашина, С.М. даже разорвал в негодовании несколько экземпляров сборника. Уверен, ему было на что обижаться. Могу сказать в свое оправдание только одно: если бы я позволил себя втянуть в согласования, уточнения и прочую полемику с автором, то не было бы ни книги, ни подборки в АСУП-1. К сожалению, никто больше не взял ни тогда, ни позже на себя труд издать стихи С.М. Видимо, сразу же после выхода энциклопедии придется начинать поиски «творческого наследия» С.М. Может быть, нам повезет, и не всё пропало. Уверен, что когда-нибудь воздвигнут коллективный памятник поэ-

там УПШ, и в центре композиции, которая будет украдена разом с двух картин Рембрандта («Ночной дозор» и «Возвращение блудного сына») будет возвышаться долговязая фигура С.М.

Поэзия рождается и завершается в рамках одной жизни. Она может исчерпать свой смысл в поэте еще до его смерти. Но ей не под силу исчерпать смысл самого поэта, который выходит далеко за границы стихов, да и вообще – далеко за границы.

ГРИГОРИЙ КОЛОДУБ О С.М.

Жил С.М. на Мамина-Сибиряка, в начале улицы, недалеко от вокзала. Проблема его неуспеха в том, что он контрастно отличался от своих современников-поэтов. С.М. признавал только игру и больше ничего, но он достиг потрясающей виртуозности в своих языковых играх и, наверное, покончил с собой от скуки. Я не верю в убийство, хотя его мать была убеждена, что С.М. убили. С.М. был невероятно педантичен и аккуратно записывал стихи в тетрадки или блокноты небольшого размера, которые, к слову, быстро заканчивались. Жил он поразительно размеренной жизнью, один в своей «двушке паровозиком». Хорошо помню светящиеся розовые шторы его квартиры на втором этаже, когда подходил к его подъезду зимними вечерами. С.М. во всем придерживался раз и навсегда заведенного порядка – в определенные дни недели ходил в магазин на Свердлова покупать манник, в определенные часы играл на дудке у себя дома, обычно под какую-нибудь джазовую запись. Он был большим любителем джаза и кан-

три. В начале 90-х С.М. стала отягощать скромная мебель в его квартире, и он делал из своей мебели инсталляции, которые разбирал и собирал снова – закрученные монументы из стульев, коробок, кастрюль возвышались посреди комнаты. Он любил разбирать на части разные предметы. Я видел разобранный на мелкие детали старый радиоприемник, в конце концов он решился разобрать на детали свой дорогой проигрыватель «Dual», потом разобрал магнитофон «Акай», потом очередь дошла и до телефона. Последний раз, когда я у него был, главная комната была завалена инсталляциями, кажется, даже диван был перевернут. Мы сидели на кухне, которую он не тронул. Несмотря на свою анахоретскую репутацию, С.М. часто влюблялся, и обязательно неудачно, но зато все стадии проходили быстро и совершенно без последствий. Он на удивление легко забывал волновавших его женщин, поскольку, видимо, стеснялся их еще больше, чем хотел.

С.М. очень не любил природу, он не выносил лес, никогда не принимал приглашений на дачу, хотя такие приглашения делались неоднократно. Я пытался выяснить, в чем дело, но без толку. Я подозреваю тяжелую детскую травму, но никаких фактов не знаю. Когда мне сказали, что С.М. нашли повешенным в лесу, я подумал, что это вполне мог быть сознательный выбор...

В 1985 (или 86?) С.М. основал клуб «Кульбит», членами которого были А. Брук, младший Кормильцев, я и в качестве «почетного» члена фигурировал Дима Николаев, тогда преподаватель философии в УрГУ. «Почетность» объяснялась тем, что Дима не всегда имел время посещать клубные чтения у С.М. Собирались, кажется, по субботам, довольно регулярно в течение примерно двух лет, потом все реже. Надо сказать, Мокшины стихи сильно выигрывали в авторском исполнении – и теперь, когда я вижу его тексты, живо вспоминается мягкий голос С.М., его харак-

С.М. в конце 80-х, Свердловск

терная интонация – как бы удивленная, будто он впервые видит текст.

Он очень любил читать свои тексты, умело выделяя голосом комические моменты, которых там хватало. Он писал и прозу – естественно, сюрреалистическую, и мне она тоже нравилась. С.М. был человек-спектакль, очень притягательная личность, совершенно лишенная какого бы то ни было пафоса...